

В этот момент единственным, кто до глубины души беспокоился о седьмом принце, оставался Лу Цзыяо.

Едва наследный принц произнес, что должен сопровождать императорский гроб с телом Императора обратно в столицу, Лу Цзыяо услышал визг системы: уровень чувства безопасности у его пухляша внезапно упал до нуля.

Это было ненормально. Боль от утраты близкого человека редко вспыхивает мгновенно — лишь спустя долгое время, каждый раз, когда близкий так нужен, но его нет рядом, острая, как удары ножа, тоска начинает медленно разъедать душу.

Как, например, пятый принц и шестой принц: едва рассеялась первая скорбь, братья сразу же начали поддерживать и утешать друг друга. Лишь седьмой принц всё это время хранил молчание.

Оба брата тоже лишились отца, но им было не до того, чтобы выведывать, какие смятения переживает младший. Лишь в душе Лу Цзыяо таилась смутная тревога.

Хотя он каждую секунду находился рядом с пухляшом, ему беспрестанно казалось, будто малыш отдаляется от него.

Лу Цзыяо пробовал обнимать пухляша за руку, за шею, а затем за талию, но тот никак не реагировал.

Вытащив из багажа свежееобмененные молоко и лакомства, Лу Цзыяо шутливо пригрозил пухляшу:

— Это последний кувшин молока. Ваше Высочество сам выпьет или отдадим пятому и шестому?

Лу Цянь повернул голову. В его светлых глазах отражался трепет свечного пламени и неуклюжая попытка Лу Цзыяо «развеселить ребенка».

Этот спокойный, глубокий взгляд смутил Лу Цзыяо. Неловко опустив голову, он покорно открыл бурдюк и поднес его к губам пухляша.

Именно в эту секунду Лу Цзыяо встретился с необычным взглядом Лу Цяня. В нем не было прежней беспечной рассеянности — лишь глубокая, вытесняющая всё остальное сосредоточенность. Лу Цзыяо показалось, будто в этот миг в сердце и мыслях Лу Цяня остался лишь он один.

Лу Цзыяо стеснялся признаться: в тот момент его сердце волнительно трепетало.

Любой, кто пробыл рядом с ребенком, имеющим эмоциональные нарушения, больше десяти лет и впервые удостоился столь пылкого взгляда, тайком обрадовался бы без оглядки на обстановку. И эта радость заставила его упустить из виду то, что на самом деле означал столь нехарактерный для пухляша порыв чувств.

Лишь на следующее утро он обнаружил, что пухляш исчез.

Рядом с подушкой Лу Цзыяо лежали недоеденное лакомство и недопитое молоко.

Поскольку он соврал пухляшу, будто это последняя порция еды, малыш перед этим прощанием

остался голодным и оставил половину ему, своему нерадивому маленькому компаньону.

Даже не умывшись и не почистив зубы, Лу Цзыяо как безумный метался по всему лагерю, а затем бросился за помощью к наследному принцу, Святому Меча и старику Сюю, сообщая им, что седьмой принц пропал.

Только тогда наследный принц, пятый принц и шестой принц начали сожалеть, что не уделили внимания неполноценному брату и не утешили его, но в то же время испытывали сильную досаду из-за его своенравия.

Никто не мог понять, какую капризную выходку решил устроить седьмой принц, сбежав из дома в столь критический момент.

В итоге лишь Лу Цзыяо, изо всех сил заставив себя успокоиться, попытался проникнуть в ход мыслей пухляша, взглянуть на мир его глазами и догадаться, куда тот направился.

У Лу Цзыяо возникло дурное предчувствие.

Отец пухляша скончался, киданьского принца обменяли на пятого, и в этой честной сделке остался лишь Правитель киданей.

«Пухляш отправился убивать Правителя киданей», — подумал Лу Цзыяо.

В оригинальном романе князь Нин после вступления на престол первым делом тайно переманил одного из киданьских военачальников, захватил Правителя киданей живьем и убил его точно так же, как погибли его отец и старший брат.

Но между нынешним Лу Цянем и князем Нином из оригинала было существенное отличие: текущий Лу Цянь еще не сталкивался с жестокими неудачами, у него не было достаточной выдержки и терпения.

План мести маленького князя Нина передвинулся на более ранний срок.

Святой Меча и старик Сюй заставили сходящего с ума от беспокойства Лу Цзыяо успокоиться и пообещали невредимым вернуть своего ученика.

Чтобы переправиться через реку, нужно пройти хотя бы одну заставу. С мастерством цигун обоим мастерам опередить младшего ученика и перекрыть ему путь на заставе было проще простого, волноваться не о чем.

Но Лу Цзыяо не мог не волноваться. Он хотел отправиться на поиски вместе со старшими, но, прекрасно сознавая свою скорость, мог лишь покорно ждать вестей в лагере.

Наследный принц тоже отправил гонцов на заставы с приказом: усилить охрану и сразу же отправить седьмого принца в столицу.

Поскольку погребальные обряды Императора не терпели отлагательств, наследный принц не мог дожидаться, пока вернут его своенравного седьмого брата, и вместе с остальными братьями поспешил в столицу.

Лу Цзыяо хотел остаться на границе и дожидаться пухляша, но наследный принц попросил его отправиться в столицу पहले — дать показания о том, что третий принц посылал войска убрать его и седьмого принца.

Чтобы предотвратить смуту при дворе и не дать третьему принцу воспользоваться ситуацией, Лу Цзыяо оставалось лишь приехать в столицу вместе с наследным принцем.

*

Лазутчики Тун Нинчжао уже разыскали смотрителей почтовых станций вдоль дороги, подтвердивших, что наследный принц возвращался во дворец еще до завершения битвы.

В посмертном указе Императора ясно говорилось, что наследный принц пропал без вести при спасении государя — значит, перед возвращением во дворец наследный принц не докладывал Императору.

Тут открывалось широкое поле для интриг.

Весть о смерти Императора едва не убила Императрицу. Находившаяся в полубессознательном состоянии Императрица еще не осознала, что значит посмертный указ о назначении князя Нина наследником.

Она даже не сразу вспомнила, кто такой князь Нин, какое отношение он имеет к ней и к ее мужу.

Известие о смерти мужа превратило в ничто все ее обиды, копившиеся десятилетиями. Стоя у императорского гроба, Императрица видела лишь мужа в гробу и истощенного от трудов сына.

Императрица, держа сына за руку, долго говорила с мужем у его гроба.

Спустя почти двадцать лет у ее «второго господина» наконец-то появилось время вот так спокойно ее выслушать.

Даже наследный принц не ожидал, что венценосная мать не придет в ярость из-за его самовольного возвращения во дворец.

Женщина, лишившаяся защиты мужа, обычно ищет безопасность во власти; он думал, что его мать давным-давно утратила кроткую нежность юности.

Смерть и разлука неожиданно заставили облаченную в доспехи и сжимавшую меч мать примириться с человеком в гробу, которого она ненавидела двадцать лет.

Это правда нечестно: женщины слишком мягкосердечны.

Борьба за престол, к которой готовился Лу Цзыяо, вспыхнула не сразу.

Государственный траур длится три года (на деле — двадцать семь месяцев), однако Великая Ци не может ни дня оставаться без правителя, поэтому один месяц приравнивается к одному дню, и обычно уже через двадцать семь дней устраивается торжественная церемония восшествия на престол нового императора.

Вступление на престол и восшествие на престол — не одно и то же: после кончины прежнего государя наследник считается вступившим на престол, но саму церемонию проводят лишь месяц спустя.

Сейчас при дворе царил затишье перед бурей. Никто не смел устраивать смуту в течение двадцати семи дней траура, и тун-фэй удержала третьего принца от необдуманных шагов.

Приверженцы наследного принца уже напрямую именовали его Императором, не сомневаясь, что именно он займет трон.

Сторонники семьи Тун вели себя крайне сдержанно. Посмертный указ сейчас находился в руках третьего принца, и занять престол должен был князь Нин, однако князь Нин сбежал и неизвестно где находился.

Кто повинен в исчезновении князя Нина? Разумеется, под наибольшим подозрением находился свергнутый наследный принц, место которого занял другой.

Прошло полмесяца, а седьмого принца так и не доставили в столицу. Наследный принц сгорал от нетерпения и отправлял на границу одного гонца за другим.

Си-фэй тоже сходила с ума от тревоги: все принцы благополучно вернулись в столицу, и только её сын всё ещё отсутствовал.

Лу Цзыяо успокаивал ее, что Его Высочество тяжело перенес кончину отца и потому застрял на границе, не желая возвращаться во дворец.

Си-фэй по-прежнему ходила мрачной. Лу Цзыяо догадывался, что большая часть её печали вызвана пропажей сына, а меньшая — страхом перед будущим без покровительства Императора. Смерть самого государя её мало трогала.

Во всем императорском гареме одна лишь Императрица, казалось, состарилась на десять лет из-за гибели Императора.

Месяц спустя с границы прибыла срочная депеша с печатью седьмого принца, однако написано письмо было не им, а собственноручно Святым Меча.

Святой Меча сообщал, что нашел Лу Цяня. Паршивец неведомым образом умудрился прошмыгнуть за заставу, но, к счастью, киданьское войско уже отступило без следа, и мальчишка так и не отыскал Правителя киданей. Ему и главе Сюю потребовалось три дня погони, чтобы наконец перехватить седьмого принца.

В письме говорилось, что нрав Лу Цяня стал весьма странным, он неохотно идет на контакт и одержим лишь одной мыслью — собственными руками приколоть Правителя киданей.

Святой Меча и глава Сюю опасались, как бы мальчик не заболел от подавленных чувств, а потому решили для начала обучить его базовым боевым искусствам, помочь отомстить за отца и снять этот тяжелый груз с души.

Это заставило Лу Цзыяо вздохнуть с облегчением. Однако си-фэй не могла понять, с какой стати какие-то странствующие мастера собираются брать ее сына в ученики и передавать боевые искусства. Она то и дело умоляла Императрицу и наследного принца отправиться на границу и вернуть ее сына.

Но без единоличной милости Императора у кого найдется время до бывшей любимой наложницы? Сколько бы си-фэй ни молила, ее никто не слышал, и лишь Лу Цзыяо терпеливо успокаивал ее, давая обещание при первой же возможности отправиться на границу к Святому Меча и привезти пухляша назад.

Тем временем борьба за трон в конце концов неизбежно началась.

Лу Цзыяо, как сторонник наследного принца, вышел к дворцовому двору и подробнейшим образом подтвердил, что третий принц держал под домашним арестом седьмого принца, а затем отправил войска на его уничтожение.

<http://bllate.org/book/18379/1767214>